

**РАЗБИТЬ ТЕБЯ
ЧТОБЫ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ**

18+

Глория Дориан **РАЗБИТЬ ТЕБЯ, ЧТОБЫ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ**

<https://litres.ru/74285179>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он следил за мной годами. Знал мой запах, мои кошмары, каждый шрам. Давид – сталкер, психолог без лицензии, одержимый моей болью. Он сказал: «Я разобью тебя, чтобы собрать заново». И я согласилась. Добровольно шагнула в клетку, где нет ничего, кроме его голоса, темноты и зеркал. Он называет это терапией. Я называю это любовью. Но у него есть прошлое: пять пациенток, и не все выжили. Готова ли я стать следующей? Тёмная романтика на грани триллера – страсть, власть и боль. Триггер-предупреждение: сталкерство, психологическое насилие, одержимость, темы суицида.

Глория Дориан РАЗБИТЬ ТЕБЯ, ЧТОБЫ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ

Темная романтика. Первая книга.

«Разбить тебя, чтобы любить тебя»

Ева: Моя жизнь — идеально выстроенная клетка. Работа в арт-галерее, йога по утрам, никаких социальных сетей. Я заслужила этот покой, сбежав из ада, который устроил мой отец. Я думала, что спряталась надежно. Я ошибалась. Он наблюдал за мной годами. Он знает обо мне всё: как я пахну после душа, какую музыку слушаю в наушниках, как кричу по ночам от кошмаров. Он называет это любовью. Но я вижу в его глазах бездну. Чтобы исцелить меня, он готов сделать то, чего я боюсь больше всего — запереть меня в комнате, где не будет ничего, кроме его голоса. Он говорит, что моя боль прекрасна. Он хочет пересобрать меня заново.

Давид: Я не преследователь. Я коллекционер. Я собираю сломанные души, чтобы склеить их своим дыханием. Ева — мой главный экспонат. Ее травма звучит как симфония, которую слышу только я. Она думает, что сбежала от чудовищ. Но настоящий монстр — не тот, кто причиняет боль ради удовольствия. Настоящий монстр — тот, кто любит так сильно, что готов стать палачом, чтобы даровать тебе свободу. Я

видел записи с камеры ее отца. Я знаю, что он делал в подвале. И я знаю, что единственный способ вытащить ее из того подвала — это снова запретить ее в темноте. Со мной. Я разобью ее страх, даже если для этого мне придется стать ее новым ночным кошмаром.

Пролог

(Запись с камеры наружного наблюдения. Время: 03:12. Объект: окно спальни на втором этаже. Текст наложен поверх картинки)

Она спит. Свет ночника падает на скулу так, что тень от ресниц кажется трещиной на фарфоровой коже. Я поправляю фокус. Мне нравится эта трещина. Именно в такие моменты я понимаю, зачем ждал три года.

Ева зашевелилась. Дрожь пошла по телу, пальцы сжали край одеяла. Снова этот сон. Тот самый. Там, где пахнет сырым бетоном, хлоркой и старой кровью. Там, где отец зажигал лампу в 200 ватт и говорил: «Девочка моя, боль — это честность. Сейчас мы будем честными».

Я смотрю на ее мучения через объектив с оптическим зумом, и у меня сводит скулы от желания. Не сексуального — это слишком примитивно. От желания внедриться в этот сон. Вырвать оттуда образ отца и встать на его место. Нет. Не так. Я не хочу причинять ей боль в том подвале. Я хочу, чтобы она увидела меня в луче той лампы и поняла: я пришел, чтобы выключить свет. Но сначала — мы включим его еще ярче.

Она кричит. Беззвучно, одними губами. Я прижимаю ладонь к холодному стеклу монитора. Я чувствую вибрацию ее ужаса через километры оптоволокну.

«Потерпи, моя девочка, — шепчу я в темноту своей берлоги, заставленной распечатками ее медицинских карт. — Скоро ты перестанешь бояться. Потому что когда я закончу, единственное, чего ты будешь бояться — это потерять меня».

Глава 1: Симфония привычек

Запах скипидара и пыли — это запах моей свободы. Галерея «Белый куб» была пуста в этот утренний час. Я стояла перед новой инсталляцией — гигантским зеркалом, разбитым на тысячи осколков, скрепленных ржавой проволокой. В каждом осколке отражалась я. Разрезанная. Фрагментированная.

Художник назвал это «Принятие». Похоже на насмешку. Я провела рукой по идеально отглаженной брючине. Черный костюм, белая блузка, тугий пучок на затылке. Броня. Мой ежедневный каркас, не дающий внутренностям вывалиться наружу. Контроль. Только тотальный контроль спасает меня от «той самой» Евы. Девочки, которая кричит в подвале.

— Вы прекрасны на фоне этой деструкции, Ева.

Голос раздался сзади. Низкий, обволакивающий, с лег-

кой хрипотцой, будто говоривший только что проснулся. Я вздрогнула так сильно, что ключи, зажатые в пальцах, звякнули, ударившись о стеклянную витрину.

Я не слышала, как он вошел. Сигнализация была отключена мной пять минут назад, дверь заперта. Я это точно помню.

Я медленно развернулась.

Он стоял в дверном проеме, ведущем в хранилище. Спирой к свету, так что лицо оставалось в тени, но поза... вальяжная, расслабленная. Высокий. Пальто с поднятым воротником, хотя за окном жарило августовское солнце.

— Галерея закрыта, — мой голос прозвучал сухо, как щелчок затвора. Я вцепилась в ключи сильнее, используя их как кастет. — Как вы вошли?

— Вы оставили дверь на пожарной лестнице открытой. Курили вчера вечером? Это плохая привычка, Ева. Никотин сужает сосуды. Вам нельзя. У вас и так тахикардия на нервной почве.

В висках застучало. Откуда он знает про пожарную лестницу? Про тахикардию? Я действительно выкурила одну сигарету вчера, после закрытия. Одну чертову сигарету, спрятавшись за мусорными баками, как школьница. Я никому не говорила. Это была моя тайная слабость, мой крошечный бунт против собственного железного режима.

— Я вызову охрану, — сказала я, вытаскивая телефон.

Он сделал шаг вперед, выходя из тени. Луч солнца упал

на его лицо.

Оно было неправильным. Слишком резкие скулы, тяжелый подбородок, тонкий шрам, пересекающий левую бровь, но глаза... Глаза прозрачные, светло-серые, почти белесые, как у хаски. В них не было агрессии. В них было любопытство. Жуткое, анатомическое любопытство энтомолога, разглядывающего бабочку на булавке.

— Не вызовете, — он улыбнулся уголком губ. — Потому что вы не хотите, чтобы кто-то знал, что вы курите за мусорными баками в 23:15. И особенно вы не хотите, чтобы охрана нашла ту папку с фотографиями, которую я положил вам в ящик стола сегодня утром.

Телефон едва не выскользнул из моих вспотевших пальцев.

— Врете.

— Проверьте. Верхний ящик, под каталогом выставки Марко.

Я не хотела двигаться. Ноги приросли к натертому до блеска бетонному полу. Но какая-то мазохистская часть меня, та самая, которую отец когда-то называл «моей самой честной частью», заставила меня подойти к стойке администратора.

Я выдвинула ящик. Каталог. Под ним — плотный конверт из крафтовой бумаги без подписи.

Внутри лежали фотографии. Я. В супермаркете. Я. Выхожу из подъезда. Я. В машине, запрокинув голову назад, глаза

закрыты. Я. В окне спальни, в пижаме. Я. Спящая. Щелчок. Я. Принимаю душ — силуэт сквозь матовое стекло. Щелчок. Я. Стою на коленях у кровати (Боже, я молилась? Я не молилась с десяти лет!). Щелчок.

Мир поплыл. Я схватилась за край стойки, борясь с приступом тошноты.

Кто-то заботился обо мне. Следил, как я ем, сплю, моюсь, молюсь. Как давно? Недели? Месяцы?

— Кто вы? — прохрипела я, не узнавая свой голос.

Он подошел ближе. Остановился ровно на границе моего личного пространства, не вторгаясь, но полностью его уничтожая фактом своего присутствия. От него пахло дорогим табаком, дождем и чем-то еще, неуловимо химическим, как озон после грозы.

— Меня зовут Давид, — он наклонил голову, разглядывая мое побелевшее лицо. — И я тот, кто покончит с вашими кошмарами. Даже если для этого мне придется превратить вашу реальность в кошмар еще больший. Видите ли, Ева, вы застряли в том подвале. Ваше тело выросло и сбежало, но душа так и осталась сидеть на бетонном полу, глядя на лампу в 200 ватт.

При упоминании лампы я дернулась, как от удара током.

— Вы не знаете ничего! — выкрикнула я, срываясь на визг. Ненавижу себя за этот визг.

— Я знаю всё. — Он резко подался вперед, и его пальцы сомкнулись на моем запястье. Не больно. Но стальной хват-

кой, из которой невозможно вырваться. Его кожа была теплой. Пугающе теплой. Живой. — Я знаю, что он делал с вами по средам и пятницам. Я знаю, что он шептал вам на ухо, вводя иглу. Я знаю про физраствор, про синяки, прикрытые тональным кремом, про соседку, которая делала вид, что не слышит криков. Я знаю, что после того, как его посадили, вы пытались вырезать свои шрамы ножницами. Я знаю, что по ночам вы до сих пор чувствуете запах хлорки, даже если вокруг — французские духи.

Слезы брызнули из глаз. Горячие, злые. Он перечислял события моей жизни так, будто зачитывал штрафной протокол. Каждое слово било точно в нерв. Я пыталась вырвать руку, но он держал крепко.

— Отпустите меня, психопат! — Я замахнулась на него ключами, целясь в глаз.

Он легко перехватил мою вторую руку, вывернул кисть, и ключи с лязгом упали на пол. Теперь я была полностью обездвижена, прижата к стойке, его лицо в нескольких сантиметрах от моего.

— Вот она, — выдохнул он, и в его глазах заплясали искры возбуждения. — Та самая ярость. Та самая дикая, необузданная сила, которая позволила тебе выжить тогда. Где ты ее прячешь, Ева? Зачем ты заковала себя в этот офисный костюм, в эту маску холодной стервы? Ты же огонь. А притворяешься пеплом.

— Я не пепел! — прорычала я, брыкаясь.

— Докажи, — прошептал он мне в губы. — Выживи снова. Только на этот раз твоим тюремщиком буду я. И обещаю: когда я тебя отпущу, ты больше никогда не будешь бояться темноты. Потому что ты сама станешь темнотой.

Он резко отпустил меня. Я пошатнулась, хватая ртом воздух.

Давид поправил воротник пальто и достал из кармана маленький флеш-накопитель. Положил его на стойку рядом с рассыпанными фотографиями.

— Здесь полная копия. Можешь пойти в полицию. Можешь попытаться сбежать. Можешь даже попытаться убить меня, я буду только рад игре. Но ты не сделаешь ничего из этого.

— Почему? — выдохнула я.

— Потому что впервые за семь лет кто-то назвал твою боль по имени, — сказал он, направляясь к выходу. — И тебе интересно, что будет дальше. До встречи, Ева. Я сам приду, когда ты будешь готова. А ты будешь готова очень скоро.

Дверь за ним закрылась с мягким, вежливым стуком.

Я сползла по стойке на пол, прижимая колени к груди. На меня смотрели десятки моих собственных лиц с разбросанных фотографий. Я сидела на полу «Белого куба» и чувствовала, как броня, которую я строила годами, дает первую трещину. И самое ужасное — в глубине трещины, где должен был быть только ужас, я ощутила крошечный, стыдный, горячий укол предвкушения.

Глава 2: Правила дегуманизации

Прошло три дня. Три дня ада, замаскированного под рутину.

Я не пошла в полицию. Давид оказался прав — я не смогла заставить себя переступить порог участка. Когда я представила лицо следователя, которому придется показывать эти фото, объяснять про отца, про подвал, про лампу... Меня затошнило. Я не могла снова стать «потерпевшей». Только не это.

Я наняла частную охрану. Двух амбалов, которые дежурили у моей квартиры и возили меня на работу. Сменила замки. Поставила решетки на окна. Превратила свою квартиру в бункер.

И все равно я знала, что он рядом.

То цветок гибискуса — точно такой же, как рос у меня в детстве на подоконнике — окажется на коврике у двери. То в почтовый ящик упадет записка, написанная от руки красивым каллиграфическим почерком: *«Сегодня ты проснулась в 4:07 от кошмара. Ты кричала слово „папа“. Не бойся. В следующем кошмаре вместо него приду я».*

Меня обложили со всех сторон. Я чувствовала себя зверем в загоне, вокруг которого ходит охотник, не убивая, но изучая повадки.

На четвертый день он пришел лично. Вечером. Я была

одна дома. Охрана только что отзвонилась — подъезд чист, двор чист.

Я наливала себе виски, пытаюсь унять дрожь в руках, когда из спальни донеслась музыка. «The Mercy Seat» Ника Кейва. Тягучая, апокалиптическая. Мой телефон лежал на кухонном столе. Выключенный.

Схватив нож для мяса, я медленно пошла по коридору. Дверь в спальню была приоткрыта. Внутри горел свет.

Он сидел в моем кресле, закинув ногу на ногу. На коленях у него стоял мой старый проигрыватель, который я не доставала с антресолей сто лет. Игла плавно скользила по черному винилу.

— Как ты вошел? — спросила я, не опуская нож. — У меня сигнализация по периметру. Охрана внизу.

— Охрана спит, — спокойно ответил он, даже не взглянув на нож. — В машине. Я добавил им в кофе легкое снотворное. Не волнуйся, с ними ничего не случится. Просто сон. Что касается сигнализации... ты забыла код на окно в ванной. Ты всегда его забываешь, потому что никогда не моешься при закрытых окнах. Ты боишься замкнутых пространств без доступа воздуха. Клаустрофобия, помнишь? Симптом номер четыре из списка твоего психотерапевта.

Меня трясло. Он знал даже это. Даже про окно в ванной, которое я сама считала приоткрытым, потому что иначе у меня начиналась паника. Именно так меня нашла полиция семь лет назад — забившуюся в угол, но в комнате с откры-

той форточкой.

— Чего ты хочешь? — спросила я, опуская нож. Смысла целиться не было. Он был быстрее, умнее и явно контролировал ситуацию гораздо лучше, чем я.

— Я хочу, чтобы ты перестала бояться, — сказал он, поднимаясь с кресла. Проигрыватель остался стоять на полу. — Ты сильная, Ева. Но твоя сила питается ненавистью к себе. Ты выжила назло отцу. А теперь ты его призрак. Ты продолжаешь его дело. Ты запираешь себя, ты наказываешь себя диетами и одиночеством, ты отрицаешь себе право на жизнь. Ты сама себе тюремщик. Я это исправлю.

— Исправишь? — я нервно хохотнула. — Как? Запрещь меня в подвале и будешь пытаться, чтобы я «проработала травму»? Ты такой же псих, как он!

— Нет. — Его голос стал твердым, как алмаз. — Твой отец делал это ради власти. Он наслаждался твоим унижением. Я не получу никакого удовольствия, причиняя тебе боль. Мне нужно, чтобы ты сама захотела пройти через это. Чтобы ты добровольно отдала мне ключи от своей души. Это единственный способ.

— Ты бредишь.

— Возможно, — легко согласился он. — Но давай проверим. Игра. Первый раунд — доверие.

Он подошел ко мне вплотную, взял за руку, в которой я все еще сжимала нож, и приставил лезвие к своему горлу. Прямо к яремной вене. Я видела, как она пульсирует. От него

пахло все тем же озоном.

— Я не притронусь к тебе без твоего разрешения, — произнес он, глядя мне в глаза. — У тебя есть нож. У тебя есть телефон (он кивнул на стол). Ты можешь позвонить в полицию. Можешь убить меня прямо сейчас. Это мой дар тебе. Моя уязвимость. Я весь на твоём лезвии. Чего хочешь ты, Ева? Свободы или продолжения?

Мои пальцы дрожали. Лезвие царапнуло его кожу. Выступила алая капля крови, скатилась по шее за воротник пальто. Он даже не поморщился. Он смотрел на меня с чем-то, напоминающим нежность.

«Режь! — кричал внутренний голос. — Он маньяк! Убей или позвони 01!»

Но другая часть меня, темная, живущая в том самом подвале, смотрела в его прозрачные глаза и видела там не сумасшествие. Там была бездна. Такая же глубокая, как во мне. И он предлагал прыгнуть в нее вместе.

Зачем жить в безопасности, если безопасность — это просто медленное умирание?

Я разжала пальцы. Нож упал на ковер с глухим стуком.

— Я не хочу в полицию, — прошептала я, признавая поражение.

— Я знаю, — выдохнул он.

Мгновение — и он сгреб меня в охапку. Его объятие было не сексуальным, но властным. Жестким. Как спасательный жилет, который слишком туго затянули. Он прижал мою го-

лову к своей груди, и я слышала биение его сердца. Ровное. Спокойное. Совсем не такое, как мое.

— Умница, — прошептал он мне в макушку. — Ты прошла первый тест. Ты выбрала не смерть, а интерес. Ты все-таки хочешь жить. Только сама себе в этом боялась признаться.

Он отстранил меня на расстояние вытянутой руки. В его глазах стояло странное, почти религиозное сияние.

— Завтра в девять вечера ты откроешь мне дверь. Ты не будешь спрашивать, куда мы едем. Ты не будешь сопротивляться. Если ты согласна, мы начнем. Если ты передумаешь — я исчезну навсегда. Обещаю.

— Ты даешь слово stalkера? — горько усмехнулась я.

— Я даю слово твоего единственного настоящего друга, — серьезно ответил он. — Друга, который готов стать чудовищем, чтобы ты смогла стать человеком.

Он ушел через входную дверь, просто открыв ее ключом, который достал из своего кармана. Мои новые замки не значили ничего. Моя жизнь не значила ничего.

Я стояла посреди комнаты, вдыхая запах озона, и понимала: завтра в девять вечера я открою дверь. Не потому, что у меня нет выбора. А потому, что Давид прав.

Мне интересно. Адски, до дрожи, до влажных ладоней интересно, что будет, если чудовище из моих снов обретет плоть и скажет: «Я здесь, чтобы спасти тебя».

А может, я просто хочу умереть? Или наконец-то начать

жить?

Глава 3: Комната с лампой

Он привез меня в промзону. Зброшенный медицинский центр с выбитыми стеклами, пахнувший крысиным пометом и старой штукатуркой. Именно этого я и боялась. Именно в таких декорациях и должно было произойти мое финальное падение.

Давид вел меня за руку по темным коридорам, подсвечивая путь фонариком. Я не сопротивлялась. Я была как во сне — тело легкое, ватное, сознание отделилось и плыло где-то под потолком. Это был защитный механизм диссоциации. Доктор Бергман называла это «убежищем». Когда-то это убежище спасло меня от безумия.

— Не улетай, — резко сказал Давид, сжимая мои пальцы до хруста. — Ты должна быть здесь. В сознании. Полностью. Иначе ничего не получится.

— Почему здесь? — спросила я, спотыкаясь о битый кирпич.

— Потому что твой страх живет в таких местах. Ты боишься не меня, Ева. Ты боишься повтора. Так пусть он случится. Мы проиграем его от начала до конца, только сценарий буду писать я. И концовка будет другой.

Он толкнул тяжелую железную дверь. Она открылась с душераздирающим скрипом.

Комната. Маленькая, с выкрашенными в белый цвет стенами, местами покрытыми бурой плесенью. Никакой мебели. Только бетонный пол и лампа. Мощная лампа накаливания, свисающая с потолка на грязном шнуре. Она была включена. Яркий, слепящий свет бил прямо в центр комнаты.

У меня подкосились ноги.

Это была точная копия. Абсолютная. Я помнила каждую трещину на бетоне, каждый оттенок серого. Эту лампу отец включал, когда хотел «поработать». Свет был таким ярким, что, даже зажмурившись, я видела красные разводы на сетчатке.

— Нет, — зашептала я, пятясь. — Нет-нет-нет. Пожалуйста.

— Тихо, — Давид обхватил меня сзади, блокируя руки, не давая сбежать. Его голос звучал прямо в ухе. — Посмотри на это. Смотри. Что ты видишь?

— Смерть, — прорыдала я.

— Ты видишь воспоминание, — жестко сказал он. — Это всего лишь электрический свет и грязный пол. Твой отец был просто слабым, жалким человеком. У него была власть только потому, что ты была ребенком. Сейчас ты взрослая. Посмотри. Где он? Его здесь нет. Есть только ты и свет.

Он втолкнул меня в комнату. Я упала на колени, прямо в центр светового круга. Лампа жгла макушку. Я инстинктивно сжалась в комок, пытаюсь стать меньше, незаметнее.

— Вот она, классическая поза, — раздался сверху его голос. Он стоял надо мной, заслоняя свет, и от этого по комнате метались чудовищные тени. — Ты сжимаешься. Ты ждешь удара. Ты так делала всегда. Сейчас удара не будет. Посмотри на меня, Ева.

Я не могла. Меня трясло крупной дрожью, зубы стучали. Он схватил меня за волосы на затылке, не сильно, но настойчиво, заставляя запрокинуть голову и посмотреть прямо в слепящий свет лампы.

— ААА! — закричала я, пытаюсь вырваться. — Отпусти!
— НЕТ! — гаркнул он так, что зазвенело в ушах. — Ты будешь смотреть! Ты семь лет прячешься. Семь лет этот ебанный свет управляет тобой. Ты боишься заснуть, боишься любить, боишься жить, потому что там, в темноте, всегда горит эта лампа. Так пусть она сгорит! Смотри на нее! Что ты видишь?!

— Свет! — орала я, заливаясь слезами. — Я вижу свет!
— Это просто вольфрамовая нить! — он наклонился к самому моему уху. — Это физика, Еба. Твой отец мертв. Его сожрал рак в тюремной больнице. Его больше нет. Осталась только лампочка. Лампочка, которую можно разбить!

В его руке откуда-то появился молоток. Он вложил его мне в ладонь.

— Уничтожь ее. Сама. Сейчас.
Я смотрела на тяжелый инструмент в своей руке. Слезы капали на ржавый металл. Лампа жужжала. Этот звук я слы-

шала в каждом своем кошмаре.

Я не могла. Мышцы отказали. Психосоматический паралич.

— Не могу, — проскулила я. — Я не могу...

Давид зашел за спину и присел на корточки. Его ладонь легла поверх моей, сжимающей рукоятку. Вторая рука обняла меня за талию, прижимая спиной к его груди. Он стал моим экзоскелетом. Его щека прижалась к моей, мокрой от слез.

— Вместе, — прошептал он, и впервые за вечер я услышала в его голосе не сталь, а дрожь. — Посмотри, как мы красивы в этом свете. Зверь и его укротитель. Жертва, которая убьет свою боль. Я держу тебя. Я — твоя сила. Размахнись.

Он резко взмахнул моей рукой, заставляя поднять молоток.

— Бей!

Я зажмурилась. Моя рука в его руке описала дугу и врезалась в лампу.

ЗВОН.

Стекло брызнуло дождем. Свет погас. Наступила крошечная, абсолютная, ватная темнота. Запахло паленым.

Тишина.

А потом из моей груди вырвался звук. Это был не крик и не плач. Это был вой. Утробный, звериный вой освобождения. Я завывала, раскачиваясь на коленях в темноте, и вместе с этим воем из меня выходили семь лет молчания, семь лет

ужаса.

Давид сидел рядом, обнимая меня, баюкая, как ребенка. Он молчал. Он просто был рядом в этой крошечной тьме.

Когда вой стих, сменившись тихими всхлипами, я поняла одну вещь. Очень важную. Он не включил фонарик. Не зажег спичку. Он дал мне темноту. Спокойную, безопасную темноту, в которой нет ламп.

Я впервые в жизни не хотела, чтобы включался свет.

— Теперь ты понимаешь? — его голос раздался в бархатной черноте. — Чтобы любить тебя, я должен был разбить тот свет. Теперь мы начнем все с чистого листа. В темноте, где только мы вдвоем.

Я нащупала в темноте его лицо. Провела пальцами по шраму на брови, по скулам. Я его ненавидела. Я его боготворила. Он был моим палачом и моим спасителем.

— Что дальше? — спросила я севшим голосом.

— Дальше мы будем учиться любить твои шрамы, — сказал он. — Но имей в виду, Ева. Я тоже сломан. И когда ты захочешь меня спасти, тебе придется разбить что-то и во мне. Мы стоим друг друга.

Его губы нашли мои в темноте. Это был не поцелуй. Это была клятва на крови.

Глава 4: Анатомия монстра

Он привез меня в свой дом. Если это вообще можно было назвать домом.

Огромный лофт в перестроенном заводском цехе. Мини-

мализм, доведенный до абсурда: бетонные стены, панорамные окна без штор, стальной каркас кровати, застеленной безупречно белым бельем. Ни одной личной вещи. Ни одной фотографии, книги, забытой чашки. Только гигантский серверный шкаф, гудевший в углу, и несколько мониторов, на которых застыли планы моей квартиры.

Я стояла посреди этого стерильного пространства, чувствуя себя вирусом в операционной. После подвала, после темноты, мои чувства обострились до предела. Каждый звук казался громче, каждый запах — резче.

Давид бросил ключи на стальной стол и повернулся ко мне. При свете дня (вернее, при холодном свете диодных ламп) он выглядел иначе. Бледнее. Под глазами залегли глубокие тени. Я вдруг поняла, что он, вероятно, не спал уже несколько суток. Следил за мной. Готовил этот спектакль в подвале.

— Хочешь убить меня? — спросил он, заметив мой взгляд. — Вижу, хочешь. Это нормально. Ты пережила катарсис, а теперь наступает гнев. Гнев на того, кто заставил тебя пройти через это.

— Ты не заставил, — тихо ответила я, растирая запястья. — Я сама согласилась. Это и бесит больше всего.

— Хорошо, — он кивнул, словно я подтвердила какую-то его теорию. — Самокопание. Ты продвигаешься быстрее, чем я предполагал.

— Кто ты вообще такой? — я шагнула к нему, но остано-

вилась на полпути. — Ты психолог? Маньяк? Бывший пациент той же клиники? Почему я? Почему ты выбрал меня?

Давид молча прошел к серверному шкафу, открыл его. Внутри, помимо мигающих лампочек, я увидела пробковую доску, приклеенную к дверце. Мои старые фото из газет, когда дело отца только раскрыли. Рядом — вырезки о других подобных случаях.

— Ты не первая, — произнес он глухо. — Но будешь последней.

Он порылся в шкафу и достал старую, потрепанную папку. Бросил на стол. Я увидела краешек фотографии. На ней была девушка. Похожа на меня. Те же темные волосы, те же синяки под глазами.

— Это Анна, — сказал Давид, и его голос изменился. Исчезла стальная уверенность, появилась хрипотца, которую я сперва приняла за усталость. — Моя сестра. Наш отец был кем-то вроде твоего, только его никто не посадил. Слишком большой человек. Анна не выдержала. Повесилась в четырнадцать лет в своей комнате. Я нашел ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.